

An impressionistic landscape painting by Viktor Minaev. The scene depicts a vast, open field with a mix of green and yellowish-brown tones, suggesting a field of wildflowers or a meadow. In the distance, there are rolling hills and a few small, dark structures, possibly farm buildings. The sky is filled with thick, expressive brushstrokes in shades of blue, white, and grey, creating a sense of movement and atmosphere. The overall style is characteristic of Impressionism, with a focus on light and color over fine detail.

Виктор Минаков

*НОС ПЛАЛЬТМЕС КМЙ
КАЗУС*

Рассказы для взрослых

Виктор Минаков

**Ностальгический казус.
Рассказы для взрослых**

«Издательские решения»

Минаков В.

Ностальгический казус. Рассказы для взрослых / В. Минаков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964262-2

Достоверно оценить настоящее можно, только сравнив его с прошлым.
Ностальгия — одна из экспрессивных и очень емких оценок. Она
субъективна, но, когда о былом ностальгируют многие, есть причина о многом
задуматься.

ISBN 978-5-44-964262-2

© Минаков В.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ТОРТ	7
ОТСТАВНИК	12
ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР В ПАЛАТЕ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ностальгический казус Рассказы для взрослых

Виктор Минаков

© Виктор Минаков, 2019

ISBN 978-5-4496-4262-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Русские правители, как обратное провидение,
устраивают к лучшему не будущее, а прошлое.
А. И. Герцен.*

Известный политический деятель, философ А. И. Герцен сказал такие слова после глубокого изучения истории Российского государства. Сказаны они были больше чем полтора века назад, и понятно, что о минувшем. А как было позже? Как стало сейчас? Как соотносятся слова мыслителя царских времен с современностью?

У героев рассказов, помещенных в предлагаемый читателям сборник, сложилось твердое мнение: им стало хуже. И в этом убеждении они не одни. Стало хуже всем тем, кто после разрушительной Перестройки и под гнётом бесконечных и безрассудных во многом реформ оказался на обочине жизни, тем, кто оказался за чертой бедности, тем, кто лишился стабильной работы, тем, кто существует на жалкие подаяния. Стало хуже их детям и внукам.

И таких горемычных семейств в стране сейчас много, считай, что большинство населения. Им и раньше жилось, как говорится, не сладко, но и не до такой уж степени горько, как живется сейчас.

Приходится с сожалением признать, что слова А. И. Герцена и сегодня весьма актуальны. И невольно возникают вопросы: неужели порочная практика управления страной – фатальная неизбежность? Имеется ли дно в том злосчастном колодце, куда методически опускается качество жизни?

ТОРТ

Утро. Николай Фомич Хромоножкин, пожилой человек невзрачной наружности – низкорослый худой и плешивый, стоит у окна и грустит: жизнь, почитай, уже прожита, одолевают болезни, пенсия мизерная, цены растут... Нагоняла хандру и погода: под утро зарядил моросящий, надоедливый дождь. Сейчас, правда, дождь прекратился, и первые лучики солнца уже заискрились на мокром асфальте, а на ветках дремавшей акации защebetали суетливые пташки, но настроение у Хромоножкина не улучшалось.

Николай Фомич слушает, как возится в кухне старуха, и думает: «Наступает обычный, бесцветный, безрадостный день...»

Появление внучки стало светлым событием. Хрупкая, предположительно, в деда, восьмилетняя девочка уже в дверях сообщила, что сюда вслед за ней собираются ее мама и папа.

– Батюшки! – бабушка всплеснула руками. – А у меня их и попотчевать нечем!.. Давай-ка, дедуня, отправься до магазину, купи нам чего-нибудь вкусенького!

– Тарту! Тарту! – запрыгала радостно девочка.

– Можно и торт, – согласилась старушка, – не разоримся, я думаю.

Она выдала деньги супругу, и он, поменяв домашнюю одежду на выходную, направился к двери.

– И я хочу с тобой, деда! – крикнула внучка.

– Пойдем, поможешь определиться мне с выбором.

Через пару минут они вышли на улицу. Путь лежал мимо соседнего дома, где у второго подъезда собралась небольшая толпа.

Люди обступили легковую автомашину иностранного производства. Машина была большая и очень красивая, она сверкала на солнце свежей краской серебристого цвета и никелированными деталями. Но внимание к ней привлекало другое: она была без колес, а ее зарубежный капот, как плугом, распахал гвоздем какой-то умелец и выгрыз на нем соленое русское изречение.

Народ здесь собрался разного возраста: от хулиганистых пацанов до лысо- и седоголовых пенсионеров, и отношение к развернутой перед ними картине было неоднозначным.

– Такую ценность испортили, паразиты! – сокрушалась старушка в потертом халате и глубоких калошах. – Такую-то красоту!..

– Так им, ворюгам, и надо! – ухмылялась злорадно другая, немного моложе.

На нее набросилось несколько голосов:

– Это как так – ворюга?! Вы следите за своими словами! Ты чего, его за руку схватила?!..

– А здесь и хватать не надо: все налицо!.. Откуда у него такие деньжищи?! – женщина тоже повысила голос. – Я у вас спрашиваю: откуда?!.. Скажете – заработал? Где? Назовите мне работу, на которой можно так заработать?!..

– Чья машина-то? – спросил Хромоножкин у одного из знакомых.

– Да тут, один лох... К кому-то, видимо, в гости приехал, а ее во время дождя и... того...

Все скаты проковыряли, повез их сейчас ремонтировать. Мужик, говорят, чуть не плакал.

А рядом полемика продолжалась. Кто-то завистливо говорил:

– Молодец, паренек: рискнул разик, зато теперь живет припеваючи! А не попался, как говорится, – не вор!

– Я бы не назвал его жизнь привлекательной, – возражает высокий старик, вцепившись руками в сучковатый костыль. – Как он может жить припеваючи среди сплошной нищеты?! Сегодня его машине колеса порезали, а завтра могут взорвать или сжечь!.. Хорошо, что бомбу не подложили!..

– Может, и подложили... Может, тикает она под мотором, ждет, когда соберутся побольше, вот тогда и рванет!

Николай Фомич покосился на стайку юнцов, откуда доносились такие слова, и потянул внучку за руку.

– Идем, Надюша, идем, а то нас дома заждутся...

И пока они не свернули за угол, он посматривал назад с беспокойством.

– Деда, а почему его называли ворюгой? – спросила вдруг девочка. – Он заправдышный жулик?

– Кто?

– Ну тот, у кого та машина?

– Наверно... Думаю – да!

И Николай Фомич принялся объяснять, почему он так думает. Он увлекся, заехал в большую политику, и порой забывал, что беседует с маленькой девочкой.

– И все это, Наденька потому, что в стране у нас многое изменилось, поставлено на голову, не на ноги... Когда тебя еще не было...

Хромоножкин не успел рассказать, как было в минувшие времена – ему и внучке пришлось сойти с тротуара: на них, галдя и толкаясь, катилась ватага цыган. Впереди шла дородная женщина с крупными серьгами в оттянутых мочках и с младенцем, подвешенным на груди посредством клетчатой шали. Цыганки стреляли глазами по сторонам, выбирая объект для стандартного охмурения. Ни один взгляд не задержался на Хромоножке дольше мгновения: для таборных попрошайек он был категорически не интересен.

В тамбуре кондитерского магазина создала себе рабочее место одна из предприимчивых старушенок, из тех что промышленяют охотой за подаяниями. Она вздохнула сочувственно, взглянув на входящего старичка: поношенный пиджачок, штаны, блестящие на коленях, шляпа – кандидат в огородное пугало, потом она с наслаждением зевнула и мелким крестом осенила бескровные губы.

И эта побирушка не снизошла до обращения к нему с просьбой о милостыне.

В отделе, где продавались торты, откровенно скучала миловидная девушка в белом кокошнике. Хромоножкину ее лицо показалось знакомым, но почему – он не помнил. Здесь покупателей не было, и внучка, свободно прильнув к стеклянной витрине, сразу показала пальцем на торт – самый большой и самый красивый. Деду он тоже понравился, но, когда продавщица озвучила цену, Николай Фомич только крикнул: на торт уходили все его деньги, и те, которыми снабдила жена, и его небольшая заначка. И еще не хватало.

Выручила сама продавщица, наблюдавшая как старичок хлопает себя по карманам и растерянно озирается в надежде увидеть кого-нибудь из соседей. Девушка, как оказалось, была подругой дочери Хромоножкина.

– Не беспокойтесь вы, дядя Коля, – сказала она, – я доплачу сейчас из своих, а вы потом занесете, или Наташа отдаст.

Пока Николай Фомич выбирался из финансовых затруднений, внучка изучала другие витрины благоуханного магазина, вернулась она с девочкой такого же сложения и возраста.

– Можно, мы с Олей погуляем маленько? – спросила она. – Мы быстро...

Не дожидаясь ответа, девочки убежали на улицу.

Продавщица поставила торт в высокий картонный короб, расписанный крупными розами, обвязала его прочной бечевкой и широкой розовой лентой. Из концов ленты она соорудила большой пышный бант. Бант горделивым кивком поприветствовал Хромоножкина и, казалось, шепнул: «Выше голову, старина! Ты со мной уж не тот, что с батоном в авоське!»

И свершилось что-то невероятное!

Нищенка, стерегушая дверь, увидела приближавшийся торт и встрепенулась. Она соскользнула с деревянной скамейки, согнулась в полупоклоне и задрожавшей рукой, как шлагбаумом, перекрыла проход.

– Смилуйтесь, господин, подайте больной одинокой старушке, – загнусавил надтреснутый голос. – Воздастся тебе за твое милосердие, много лет будешь жить ты так же счастливо.

Такого Хромоножкин не ожидал и заметно подрастерялся: в карманах – носовой платок да очки!

– Бог подаст, бог подаст, – залепетал он первое, что пришло ему в голову, и попытался отвести в сторону мешавшую ему руку.

Не получалось: рука была твердой и сильной. Выйти нельзя, противный голос продолжал трубно гундосить, казалось, что бабка нарочно орет на весь магазин, и на них уже смотрят с насмешливым интересом. Положение – хоть провались!

Николай Фомич, сдернув шляпу, вдруг резко согнулся, ужом скользнул под костлявый шлагбаум и ринулся прочь.

Старуха убавила громкость и сменила набор своих пожеланий:

– Чтоб подавиться тебе, окаянному, чтоб торт твой стал глиной, – бормотала она себе под нос и усердно крестилась.

Лишь через несколько метров старик немного опомнился и распрямил спину. Надвинув на лысину пролетарскую шляпу, он покосился на раскрашенный короб: «Какой же ты провокатор, однако!»

А торт продолжал конструировать козни. Николай Фомич еще не успел окончательно прийти в нормальное состояние, как подвергся новому нападению: его частоколом окружили цыгане. Откуда они вдруг появились, он так и не понял. Молодые закличили у него «хоть копеечку», а старшая, колыхая серьгами и ребенком, изъявила готовность поведать о прошлом, настоящем и будущем «такому красавцу – мужчине».

– Положи денег сколько не жалко, всю правду тебе расскажу. Давай, если хочешь...

– Давать-то мне нечего, – в раздражении прервал ее Хромоножкин. – Нет у меня ничего, кроме этого торта! Позвольте пройти!..

Цыганки не расступались.

– Не скупись, яхонтовый, – не унималась главенствующая. – Все, что было, что будет узнаешь...

– Если ты такая всезнающая, – Николай Фомич ухмыльнулся нервозно, – то должна же ты знать, что нет сейчас у меня ни копейки! Ну нет у меня ни гроша! – вскричал он сорвавшимся голосом и стал выворачивать карманы, один за другим, даже нагрудный у пиджака. – Вот смотрите: все пусто!

Цыганки отвязались только тогда, когда он потряс и носовым платком перед ними. Они так же внезапно исчезли, но их оскорбительные насмешки еще долго звучали в ушах ошеломленного старичка. «Почему происходит такое?! Почему я вдруг оказался в центре внимания?.. Неужели действительно – торт?!»

Николай Фомич повертел головой. Народу на улице было немало, но с тортом он никого не увидел. Не то, чтобы с таким огромным и красочным, вообще ни с каким! Несли сумки, кошелки, сетки с картошкой, кто-то потел под мешком с тяжелой поклажей, но никого, чтобы с тортом! «Где торты?.. Возможно, их возят в машинах?..» В памяти всплыл один случай. Однажды они принимали известного профсоюзного лидера, и во время застолья высокий гость пошутил, поднимая коньяк: «Рабоче-крестьянский напиток, который они потребляют через... лучших своих представителей!» Тогда действительно было так: для народных масс коньяк был непозволительной роскошью, и они налегали больше на водку. «А что же теперь? Торт тоже только для представителей?! И тоже для лучших? Для тех, кто катается в иномарках?»

От размышлений над этой гипотезой его оторвал громкий крик: «Мужчина! Мужчина!.. Подождите минуточку!» Кричали с другой стороны переулка. Хромоножкин увидел, что к нему торопится незнакомая женщина. Приблизившись, она понизила голос:

– Я извиняюсь, конечно. Не могли бы вы мне одолжить три рубля на маршрутку: я приехала в гости, а обратно уехать мне не на что.

Николай Фомич круто повернулся спиной и бросил сердито через плечо:

– Нет, не могу! Тоже меня извините...

Он стал удаляться от смутившейся женщины ускоренной поступью с устремленным под ноги почти затравленным взглядом. Он был готов перейти на трусцу, чтобы только скорее укрыться в спасительных стенах от столь избирательного внимания к себе. В том, что причиной такого внимания была его ноша, он был теперь абсолютно уверен.

Дома, за накрытым столом Николай Фомич, еще не остывший от сильных эмоций, глупокомысленно рассуждал:

– Ученые по одной только капле воды способны дать характеристику всему водоему, – изрек он, поведав в подробностях о своем путешествии в кондитерский магазин. – У нас тоже есть своя капля, и есть над чем поразмыслить...

Хромоножкин не сомневался, что ему по силам подобные выкладки: он имел недюжинный опыт в оценки жизненных фактов с позиций марксистской науки. До ухода на пенсию он много лет работал мастером на судостроительной верфи и одновременно был секретарем крупной цеховой партийной организации. Он считался хорошим парторгом. Секретарь райкома как-то сказал про него директору верфи: «Хромоножкин у тебя – молодец: и мыслит масштабно, и языком владеет умело. Люди идут к нему с разными мнениями, а уходят с одним – с его мнением, то бишь – с нашим, с партийным... Забрал бы его от тебя, если бы не его возраст...»

– Итак, – Николай Фомич захватил в свои руки тему застольного разговора, – что мы видим сегодня?.. Народ обездолен, ограблен, унижен. Бедная, серая, безликая масса... Его таким сделали за последние годы. Он стал подобен ребенку, попавшему в лапы бандиту-опекуну!.. Наследство его расхищается, проматывается, опекун купается в роскоши, а ребенка забывают порой накормить!.. Не в интересах бандита ни учить его, ни лечить – пусть растет себе больным полудурком: после спросить не сумеет!.. И ребенок живет как придется: попрошайничает, продает последние вещи, если их еще не успел присвоить бандит, и... уродует опекунские иномарки. На большее его не хватает, и бандит надеется, что и не хватит...

Николай Фомич развернул целую лекцию на тему: «Современные богачи – мошенники, мародеры и кровопийцы». Говорил он внятно и доказательно, он очень хотел донести свою правду до умов и сердец всех, кто собрался за этим столом, но его красноречие увязало в глухоте невнимания. Внучка, пресытившись тортом, чистила языком тонкие пальчики, супруга все чаще убегала на кухню, а зять и Наташа, дочь Хромоножкиных, слушали скорее из вежливости, и иногда переглядывались многозначительно: а не поехала ли у старика «крыша»?

Наконец дочь не выдержала:

– По-твоему, лучше быть бедным и больным, чем богатым и здоровым?! – с откровенным сарказмом спросила она, прерывая его устаревшую философию.

Хромоножкин обиделся.

– Разве я говорю о здоровье?!.. И про богатство, вижу, что неправильно меня понимаешь! Я не против богатства, но не таким же путем его добывать! Или вы сами не видите, что творится вокруг?.. Грабят все и везде, начиная с общего достояния: нефти, золота, газа, рыбных угодий! Грабят с размахом. Без огляду: после нас хоть потоп!.. А сами грабители как проживают? В пьянстве, беспутстве и страхе!.. Да, да – именно в страхе! Они боятся всего: и будущего, и настоящего! Они окружают себя толпами телохранителей! От чего? От безоблачной,

скажете, жизни?.. Не-ет! Жизнь мародера далеко не безоблачна! Мучительна его жизнь, если рассматривать ее объективно!..

– А я бы не против помучиться, – Наташа мечтательно потянулась. – Случай разбогатеть как-то не подворачивается...

– Возможности есть, – Николай Фомич насторожился и вкрадчиво продолжал. – Промышляй на учебе: глухого за деньги – в консерваторию, слепого – в мединститут, на хирурга, в школе – дери за пятерку!.. Ты на такое способна?..

– Кто сейчас свое упускает, – отвечает уклончиво дочь. – Это мелочи жизни.

– Наталья!!! – Хромоножкин хлопает рукой по столу. – Чего ты несешь?! Где же здесь совесть?!

– Совесть?! – Наташа презрительно фыркает. – А кто ее видит?.. Совесть, папуля, – это уже рудимент. Такой же, как и аппендикс, их надлежит удалять в раннем детстве.

Папуля оторопел: и это говорит его дочь?! Педагог, человек с высшим образованием, бывшая комсомолка! Откуда этот цинизм?! Непостижимо!

– А ты как думаешь, Алексей? – обращается Николай Фомич к зятю после оцепенения. – Для женщин, как видно, деньги не пахнут.

Алексей, рослый плечистый парень с коротко остриженной головой и бычьей накачанной шей, в разговоре, затеянном стариком, до этого не участвовал. Он, бывший морской офицер, а теперь – охранник частного банка, уже вышел из-за стола и, хмурясь, курил у распахнутой форточки.

– С совестью, батя, приходится договариваться, – признался он неохотно, – по-другому не получается – не проживешь, обстановка такая... Ну, спасибо за угощение, нам, пожалуй, пора. Похоже, гроза собирается... А торт ты купил превосходный...

Проводив гостей, Николай Фомич встал у окна. Тучи действительно возвращались. На него опять наплывало уныние, он чего-то не понимал в сегодняшней жизни, вернее, не хотел принимать.

2001 г.

ОТСТАВНИК

Моего соседа, Степана Остапчука, недавно вытурили из органов, он там работал в каком-то секретном отделе, и у нас во дворе его называли Сексотом, само собой, за глаза. Прозвище это за ним так и осталось, хотя сейчас Остапчук уже нигде не работает.

«Вытурили» – это его, Степаново, выражение. Он как-то, подвыпив в день нашей армии, появился в моей сторожке и необычайно разоткровенничался. Называл меня почему-то коллегой, панибратски похлопывал по плечу и изливал, изливал свою душу.

– Двадцать лет прослужил я там верой и правдой, – говорил он обиженным голосом. – И вот тебе нате – не нужен! В отставку!.. На пенсию!.. Это меня-то на пенсию! Да у меня за всю жизнь ни разу нигде не кольнуло! Я здоровый, как бык!.. Хоть сейчас еще выпью бутылку, и ни один врач ничего не докажет...

Он, понятно, расхвастался, но вид у Степана действительно молодецкий: стройный, высокий, жилистый, плечи развернуты... Сейчас молодые ребята – не каждый так выглядит.

Лицом он, правда, не вышел: длинный и широкий, прямо утиный, нос, небольшие круглые глазки светло-серого цвета, белесые волосы, узенький лоб, остренький подбородок.

Я слушал и с интересом посматривал на соседа: таким его я не видел, а он прикрыл губы ладонью, наклонился ко мне прямо к уху и доверительно прогудел приглушенным голосом:

– Только я не согласен на пенсию! Никто не дождется, чтобы я взял и залег на диване, как сибирский медведь! Чекист не уходит в отставку! Чекист – это призвание, образ всей жизни, тем более, для меня!

Недели полторы после этого разговора я Степана не видел. Его слова о негасимой любви к своей подкованной профессии уже позабылись, их я и сразу посчитал не серьезными: чего только не напридумает подвыпивший и обиженный человек. Но не все оказалось так просто.

Однажды, уже в марте, в субботу, когда я заждался трамвай на остановке у центрального рынка, над моим ухом вдруг раздался знакомый приглушенный голос:

– Сергейч, привет! А ты чего тут таишься?..

Я оглянулся – Степан. Он был одет, как грибник: старая шляпа, серый, поношенный плащ, короткие сапоги из резины. Впрочем, и все здесь были одеты не броско. Во-первых, погода: холодно, слякоть, порывистый ветер, а во-вторых – само место: трамвай сейчас – это транспорт для бедняков.

– Да вот... – начал я объясняться и показал на две сетки, стоявшие возле ног, – за картошкой приехал... А ты чего?.. Как незаметно ты подобрался...

– Я-то?.. – сосед подмигнул мне сереньким глазом и прикрыл рот ладонью. – Любуюсь посадочным материалом.

– Дачей уже обзавелся?.. И где же твой посадочный материал?

Ни в руках у него, ни с ним рядом я ничего не заметил.

– Так вот же он, прямо перед тобой, – Степан очертил полукруг своим выдающимся носом.

Передо мной, сзади и по бокам я видел только плечи и головы горожан, как и я ожидавших трамвая. Я недоуменно смотрю на соседа: «О чем он толкует? Какой материал?»

– До сих пор не врубился? – усмехается Остапчук. – Здесь его целый питомник!.. Ты только послушай, как они шелестят...

Так вот оно что... Я где-то читал, что другие народы, кажется англичане, оказавшись среди незнакомых людей, или упорно молчат, или говорят ни о чем, например, о погоде. У наших – иные манеры. Наши не помолчат ни со знакомыми, ни с незнакомыми. Им все равно

с кем, лишь бы поговорить, а о погоде – в последнюю очередь. Любимая тема – о тяготах жизни и о тех, кто в этом повинен. И всегда получается – о властях.

Так обстояло дело и здесь. Слева, со Степановой стороны, взяли на зуб отцов – президентов. При именах Горбачева и Ельцина презрительно морщатся, кто-то плюется. Путин негативной реакции не вызывает, его даже хвалят: молодой, энергичный, здоровый. Хорошо, что не пьяница – не стыдно выпускать за границу. Находят у него и другие достоинства.

– Жаботитча он о наш, – шамкает старая женщина. – Пенсии вовремя стал выдавать, повышает их поштотоянно...

С ней соглашаются, кивают одобрительно головами... Однако трамвая все нет. Люди томятся, холодно, ветер студеный, с морозцем, и одобрительность вскоре тает, как дымка.

– После Горбачева и Ельцина посади хоть черта с рогами – все равно покажется ангелом, – подает желчный голос долговязый небритый мужчина, стоявший в двух шагах от Степана. – Толку-то от того, что пенсии повышают! А цены?! Только заикнутся о пенсиях, а цены уже вверх поскакали, как будто это им сигнал подают!.. Всю прибавку загодя обрезают под корешок... Лучше бы делали молча, а то трезвонят, трезвонят, а на деле получается болтовня. По второму кругу пошли: пенсии опять вырастут до миллиона, а не купишь того, что раньше купить можно было за рубль!

– Он провокатор! – напрягся Степан и впился глазами в небритого. – Сейчас развяжутся зловредные языки...

И правда, едва долговязый обозначил мишень, в нее уже полетели гневные реплики, как комья мажущей грязи:

– Правильно говоришь: по базару хоть не ходи – дерут с тебя, кто сколько хочет! Куда только наши власти глядят?!

– А туда они и глядят – где бы им самим поднажиться! Барыги, думаешь, с властями не делятся?..

– Власти и сами не промах: за свет повышают, за тепло повышают, за газ, за воду, за слив! Да за все повышают! А куда эти деньги идут?.. Да по их же карманам! Какие дворцы себе понастроили на наши кровные денежки!

Стоявший рядом со мной паренек, тоже подал свой простуженный голос:

– А с бензином что делают?.. За один год вчетверо цены подняли! А от цены на бензин все другие цены зависят!.. Совсем доканать нас задумали!..

Долговязый мужик растревожил кровоточащую рану. Говорили уже почти все. Дружно ругали наступившие времена и с тоской вспоминали о прошлом: о бесплатном лечении, бесплатной учебе, символических ценах на хлеб, молоко, транспорт, лекарства. Вспоминали о санаториях, пансионатах, домах отдыха, лагерях пионеров – все это было доступным для каждого. Из прошлого выбиралось все лучшее, светлое, и его набиралось не мало. Парень, что начал говорить о бензине, не умолкал, он утверждал, что тогда его мама на свою пенсию часто летала на самолетах в Москву и всегда прилетала обратно с гостинцами.

Стенания о прошлом вконец возбудили толпу, послышались выкрики: «Антинародный режим! Нас предали!», и другие истеричные возгласы. Какая-то женщина рыдала и испуганно твердила, что вообще наступил конец света.

– Вот расквакались, вот расквакались, прямо как на болоте, – озабоченно озирался Степан, – чего говорят, и сам не понимают! Да их за такие слова!..

Он нервно подрагивал, ноздри его раздувались, глаза загорелись волчьим огнем. Казалось, что он с трудом удерживает себя от каких-то решительных действий.

Сравнение с болотом было, пожалуй, удачным: действительность давно стала смахивать на гниющее и смердящее место, где вопят благим матом обреченные его обитатели. Те, кому некуда улететь, убежать и упрыгать, кто не может кормиться за счет ослабевших собратьев. Да, Степан нашел подходящее слово для характеристики нашего быта, хотя имел он в виду,

похоже, другое... Он и сам походил на болотного жителя в своем сером плаще: длинноногий, с увесистым носом – совсем как болотная цапля, застывшая в охотничьей стойке.

И таких цапель было здесь несколько. В возбужденной толпе равномерно рассредоточились молчаливые серые личности с холодными настороженными глазами. Стало как-то не по себе: а вдруг они начнут действовать?! Ведь там, где не борются с причинами недовольства, борются с недовольными. Проверено временем.

Но, к счастью, все обошлось. Наконец появился трамвай, и не один, а сразу два, и оба с прицепными вагонами. Людей захватили другие заботы – надо как-то уехать, и все бросились к трамвайным дверям.

Сели и мы со Степаном. В трамвае он все кого-то высматривал, хмурился и молчал, а когда мы сошли, промолвил с нескрываемым сожалением:

– Эх, куда подевались те времена!.. Не дождались бы многих неумных голов сегодня домашние!.. Многие отправились бы отсюда на нары!..

– О ком это ты?.. Неужели о тех бедолагах, которые замерзали на остановке?

Степан полоснул меня подозрительным взглядом.

– А ты как считаешь? – спросил он угрюмо.

Я понял, что он помешан на задержаниях, но все же сказал:

– А за что их сажать?.. За то, что они посмели заговорить, что им плохо?.. Что же им молча надо страдать?.. Сажать надо тех, кто привел страну к нищете. Правда, их не найдешь на остановках трамвая. Но, если кого и надо сажать, то именно их! Рыба, как говорится, гниет с головы.

– А чистят ее с хвоста! – отрубил Остапчук. – Так всегда было, и так всегда будет! Запомни это... коллега.

Он похлопал меня по спине и свернул в свой подъезд. Высокий, пружинистый, сильный. Ему бы еще служить и служить... Почему же его отстранили?..

Просилось одно объяснение: обстоятельства изменились – сейчас не сажают за разговоры, даже за речи крамольного типа. Может, и рады были бы посадить, да финансы не позволяют. В тюрьмах же надо кормить, поить, охранять, а на какие, извините, шиши?.. Вся страна в долгах как в шелках!.. Проще прикинуться тугоухим, сделать вид, что ничего необычного не происходит. Ничего не видим, ничего не слышим! Так ведь очень удобно – ничего-то и делать не надо: ни карать никого, ни исправлять положение. Не слышим и – баста! Глухие!

Остапчук, очевидно, не понял, не перестроился, продолжал гнуть по-старому, без учета новых реальностей, вот его и турнули... Хотя, возможно, я ошибаюсь...

2001 г.

ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР В ПАЛАТЕ

– Внеземные цивилизации существуют, и их представители регулярно появляются здесь, на Земле, – громко и убежденно заявил Павел Фомич Сергеев. – Это я знаю точно: с одним из них я лично встречался!

Все разговоры сразу затихли.

Здесь, в больничной палате, нас находилось семь человек. Был вечер, уже были исполнены все назначения врача, приняты все лекарства, и мы, собираясь ко сну, лежа слушали радио. По нему только что сообщили о встрече с загадочным неземным существом. Будто бы где-то в горном районе Америки двое охотников набрали на спящего зеленого человечка. Пока они изумленно тарасились на него, он пробудился, вскочил на тонкие ножки и моментально исчез, как будто развеялся в воздухе.

– Брехня, – сладко зевая, прокомментировал сообщение Степенев, шофер-дальнобойщик. – Он им по пьяни привиделся. Со мной и не такое случалось. После рейса бывало так надерешься, что...

– Будут тебе пьяные бредни на весь мир оглашать! – перебил дальнобойщика занозистый Пугачев, кладовщик кондитерской фабрики. – Американцы – сурьезный народ! Они внимательно все проверят, прежде чем объявлять!

Он встал, выключил свет и увернул радио.

Скептически к передаче отнесся также Смирнов, школьный учитель, сказав, что научно ни кем такие события не подтверждаются, а наговорить можно все что угодно.

– Вы и родной матери не поверите! – начал ерепениться кладовщик. – Сколь очевидцев выступало по радио, по телевизору, а сколько – в газетах!.. И все они врут?.. Там же фамилии ихние, адреса сообщают!.. Кто согласится выставять себя болтуном на смех всем людям?..

Завязался шумный, но пустой, бездоказательный спор, когда сила голосовых связей заменяет отсутствие аргументов. Кто-то поддерживал недоверие дальнобойщика, а кто-то принял сторону Пугачева. Говорили наперебой. Сергеев оборвал этот гвалт своим удивительным заявлением.

Сергеева мы уважали. Он был немолодым, спокойным и рассудительным человеком.

– Случилось это в прошлом году, здесь, в нашей области, – продолжил Павел Фомич в заинтригованной тишине. – Я поехал с приятелями на рыбалку. Мы были втроем, на машине приятеля. У нас была надувная двухместная лодка, и мы хотели рыбачить на Волге. Но тогда кто-то должен был оставаться на берегу, а с берега на большой реке, да в июле – разве поймешь чего?.. Я все это прикинул в уме и попросил, чтобы меня оставили на знакомой протоке и забрали на обратном пути. Так мы и сделали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.